

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

А. М. Хазанов

ЗАГАДОЧНАЯ КУВАДА

Франсиско Барреда, помощник губернатора Тукумана, раздраженно покусывал губу. Еще совсем недавно он уверял своего спутника, австрийского иезуита Мартина Добрицхоффера, что в деревне их ожидает торжественная встреча. Теперь же все выглядело так, как будто индейцев застали врасплох. Да к тому же и касик куда-то запропастился.

— Где Малакин? — обратился он к первому попавшемуся на глаза индейцу.

Тот начал что-то быстро отвечать, но знатный сеньор ничего не понял в потоке гортанных и щелкающих звуков. Знать местные наречия он считал излишней роскошью.

Иезуит, однако, заметно оживился. Он внимательно вслушивался в слова индейца, время от времени перебивая его и задавая вопросы.

— Вы отлично владеете языком абипонов, отец мой, — сказал испанец.

— Это помогает обращению их душ. Но вы только послушайте, что он говорит, — Добрицхоффер кивнул на индейца, переминавшегося с ноги на ногу возле лошадей непрошенных визитеров.

— Он уверяет, что касик не может выйти к нам, так как у него недавно родился ребенок. Якобы поэтому он лежит в постели, завернувшись во все имеющиеся в доме одеяла, и собирается провести так много дней. Можно подумать, что рожал он сам.

— Что за чушь! — сеньор Барреда наконец-то нашел на ком сорвать злость. — Я вижу, этот Малакин издевается над нами, принимая нас за болванов. Ну, если он забыл, с кем имеет дело, то сейчас я ему об этом напомним.

— Переведите ему, — Барреда указал на индейца. — Этот грязный касик должен немедленно предстать перед нами. Иначе ему не бывать больше в касиках. Или нет. Пойдемте лучше сами к нему и на месте разоблачим его ложь.

Всю дорогу до дома Малакина испанец возмущался, утверждая, что в жизни не встречал более наглой и вздорной лжи, призывал своего спутника в свидетели. Где это видано, чтобы мужчина вел себя, как женщина после родов. Иезуит о чем-то задумался, потом сказал:

— Нет, это похоже на правду. Много лет назад, когда в семинарии я изучал древнегреческий язык, я встречал нечто подобное у географа Страбона. Сознаюсь, тогда я подумал, что это просто басня. А ведь и

здесь, в Парагвае, братья по ордену говорили мне о таких случаях. И все же я никогда не думал, что смогу увидеть это своими глазами.

Касик вышел во двор им навстречу. Он шел, согнувшись и сторбнившись, как тяжело больной человек, всем своим видом изображая страданье. По-испански он понимал ровно столько, сколько Барреда по-абипонски. Поэтому Добрицхоффер вновь выступил как переводчик.

— Почему ты не вышел нас встречать?

— Жена моя недавно родила, и я должен лежать в постели, хотя испытываю глубокое почтение к сеньору помощнику губернатора и Вам, отец мой.

И как ревностный сын церкви касик подошел под благословение.

— А почему, собственно, ты должен лежать в постели?

— Иначе мой ребенок может подвергнуться опасности.

— Но ведь ты же не мать?

— Причем тут мать? Это мой ребенок, и я должен вести себя так чтобы не причинить ему вреда.

Разговор о встрече явно зашел в тупик. Но заинтригованный иезуит продолжал расспросы.

— Сколько дней ты должен провести в постели?

— Сорок.

— А твоя жена, она что, тоже все это время не выходит из дома?

— Нет, она, как родит, возвращается к своим обычным занятиям.

— И ты полагаешь это справедливым?

— Конечно, отец мой. Ведь от этого ребенку не будет никакого вреда. И к тому же должен кто-то заниматься хозяйством.

Малакин говорил с видом человека, вынужденного повторять общеизвестные истины. На лжеца он во всяком случае никак не походил, иезуит был в этом твердо уверен. Хотя чем больше он расспрашивал, тем больше узнавал удивительного.

— Не только после рождения ребенка, но и во время беременности жены я должен быть очень осторожным, чтобы не причинить ему вреда. Теперь же я не смею переправляться через реку в прохладный день и не бреюсь, и не могу добывать мед, потому что пчелы могут искушать меня. Мне нельзя ездить на лошади, чтобы не устать и не вспотеть. Я не ем мяса, пью только воду и не нюхаю табак.

При последних словах заскучавший было Барреда заметно оживился:

— Сейчас я выведу этого плута на чистую воду. Я-то уж знаю, что ни к чему он так не пристрастен, даже к горячительным напиткам, как к табаку.

Испанец вынул из кармана украшенную вензелем табакерку.

— Переведите, что я его угощаю. Пусть берет сколько хочет.

Индеец отшатнулся. Его лицо не выражало ничего, кроме испуга.

— Вы же знаете, что мне нельзя сейчас нюхать табак. Это опасно для моего ребенка. И вообще, мне давно пора лечь. Позвольте мне удалиться.

Он низко поклонился и направился в сторону хижины, осторожно ступая по земле босыми ногами.

Возвращаясь в город, спутники молчали. Барреда думал о впечатлении, которое произведет его рассказ в лучших домах Сант-Яго, и мысли об этом заметно развеселили его и привели в хорошее расположение духа. Иезуит размышлял, как много еще предстоит поработать ему и его братьям по ордену, чтобы искоренить языческие суеверия, пустившие столь глубокие корни в душах индейцев.

Впоследствии он описал этот случай в книге с длинным, почти в три десятка слов, как это было принято в XVIII в., названием, которую со-

крашено именуется «История абипонов»¹. Но он даже не предполагал, что сто лет спустя то, что ему довелось увидеть, привлечет к себе пристальное внимание ученых, что этот обычай будут описывать и изучать, а споры о его подлинном значении и смысле не затихнут до наших дней.

* * *

Первыми были греки. Подобно нашим современникам, они любили экзотику и с удовольствием читали про диковинные «варварские» обычаи. Поэтому историк Диодор Сицилийский, живший в I в. н. э., не преминул упомянуть про жителей Корсики, что «одним из наиболее курьезных их обычаев является тот, который они соблюдают при рождении ребенка. Когда женщина становится матерью, она не тратит время на то, чтобы лежать в постели; зато ее муж будто бы становится беспомощным, ложится в постель..., причем о нем проявляется такая забота, как если бы он действительно страдал от боли».

О том же писал Страбон про кельтов Испании. У них женщины сразу же после родов укладывали в постель своих мужей и ухаживали за ними, сами будучи лишены элементарного ухода. Такие же обычаи, добавлял точный Страбон, существуют у фракийских и скифских племен.

Еще один писатель, Аполлоний Родосский, отмечал, что у тибаренов, живших на юго-восточном побережье Черного моря, «когда жены рожают детей своим мужьям, те ложатся в постель, кричат и хватаются за голову, а женщины балуют их вкусными блюдами и подчуют кушаньями, положенными для рожениц».

О рассказах древних писателей вспомнили только в новое время, когда путешественники и миссионеры, чиновники и торговцы в Азии, Африке и Америке обратили внимание на странные, дикие, на первый взгляд, обычаи, связанные с рождением ребенка. А в Европе ученые, сидя в своих кабинетах и библиотеках, сопоставили их отчеты, мемуары и заметки с тем, что они вычитали у древних, и заодно, согласно требованиям научной классификации, дали этим обычаям название — кувада.

Кувада — слово французское. В буквальном переводе оно означает вынашивание, высиживание. Этим словом в этнографии обозначается ряд правил и норм поведения, связанных с рождением ребенка. Объединяет их одна черта — все они относятся не к матери, а к отцу.

Эти правила требуют, чтобы отец перед рождением ребенка и определенное время после него избегал некоторых действий, не пользовался острыми орудиями, придерживался определенной диеты и вообще вел себя так, как будто он, а не жена носит ребенка в своем чреве и от его поведения зависит здоровье малыша. Нередко муж ложится в постель, стопами и криками изображая родовые боли, иногда специально переодевается в женское платье. После рождения ребенка, лежа в постели, муж получает лакомства и деликатесы, нянчит младенца, принимает поздравления от родных и друзей.

Зато роженица часто ведет себя не так, как ей положено: занята обычными делами в поле и дома, да вдобавок еще обслуживает супруга.

Но и доля мужа не всегда сладка. Иногда диета, которой он должен придерживаться, столь строга, что граничит с голоданием, а некоторые церемонии налагают на него физические испытания, мало чем отличающиеся от пыток.

¹ M. Dobrizhoffer, Historia de Abiponibus, Equestri Bellicosaque Natione, locupletata Copiosis Barbararum Gentium, Urbium, Fluminum, Ferarum, Amphibiorum, Insectorum, Plantarum aliarumque ejusdem Provinciae Proprietatum Observationibus, Vienna, 1784.

Особый интерес кувада вызывает потому, что является не изолированным обычаем, прослеживаемым лишь у одного или нескольких племен и народов. Кувада еще недавно была распространена во всех частях света и, следовательно, отвечала некогда важным потребностям общества на определенном этапе его развития.

В Америке кувада практиковалась почти повсюду — от Гренландии до Огненной Земли.

«В Гренландии, — пишет один очевидец, — мужья с рождением ребенка несколько недель воздерживаются от работы; они также не должны плавать в лодке и заниматься ремеслом»².

«В Калифорнии, — вторит ему другой, — когда у жены наступают роды, муж ложится в постель и там, стоная и вздыхая, изображает все муки родовых схваток. Он лежит в ней несколько дней, и все это время с ним нянчатся и ухаживают за ним, будто он действительно страдает от боли»³.

«На Огненной Земле, — отмечает третий, — и отец и мать новорожденного, оба должны проявлять осторожность в пище, полагая, что некоторые виды ее вредны для здоровья ребенка. Они также соблюдают покой в течение недели или двух после родов»⁴.

Самые крайние формы кувада приняла у карибов — индейского населения Вест-Индских островов. Когда у них рождался ребенок, мать незамедлительно приступала к работе, отец же жаловался на недомогание, ложился в гамак и должен был придерживаться строжайшей диеты.

«Для меня удивительно, — писал один из наблюдателей, — как они (карибы. — А. Х.) вообще выдерживали так долго и не умирали. Потому что иногда они ничего не ели и не пили первые пять дней, а затем вплоть до десятого дня пили только ойюку — напиток не более питательный, чем пиво. Спустя десять дней разрешалось есть кассаву, воздерживаясь от всего остального в течение целого месяца»⁵.

Через сорок дней в дом родителей новорожденного собирались на празднество друзья и родственники. Начинали они с того, что рыбьими зубами глубоко расцарапывали отцу кожу, затем натирали его тело индейским перцем, после чего предавались веселью за счет хозяев.

Но и на этом дело не кончалось. После выздоровления отец еще шесть полных месяцев не употреблял в пищу мясо и рыбу, твердо веря, что иначе он причинит вред желудку ребенка и сделает его похожим на съеденных животных. Например, если отец съест черепаху, ребенок будет глухим и безмозглым и т. п.

В Азии кувада также еще совсем недавно была весьма распространенным явлением. Так, в Индии в XVIII—XIX вв. традиции кувады были сильны и живы. Еще в XI в. хорезмиец аль-Бируни лаконично писал о странных нравах индийцев: «Когда рождается ребенок, люди особое внимание уделяют не женщине, а мужчине». И семь-восемь веков спустя европейцы отмечали: «В Гуджарате, среди низших каст, жена приступает к работе сразу после родов, как будто ничего особенного не произошло. Считается, что ее слабость перешла к мужу, который ложится в постель, где его кормят лучшими, наиболее питательными блюдами»⁶.

² Н. Egede, A description of Greenland, showing the natural history, situation, boundaries and face of the country, London, 1745, p. 192.

³ Н. Н. Bancroft, Native races of the Pacific States of North America, London, 1875, vol. I, p. 391.

⁴ Т. Bridges, Manners and customs of the Firelanders, London, 1866, p. 183.

⁵ E. B. Tylor, Researches into the early history of mankind, London, 1865, p. 288—289.

⁶ M. M. Williams, Religious life and thought in India, London, 1883, p. 229.

«В Траванкоре муж в течение семи дней после родов питается одними фруктами»⁷, в Ассаме он «не может уходить из деревни или выполнять какую-нибудь работу в течение шести дней, если ребенок мальчик, или пяти — если девочка»⁸, а в долине Брамапутры он «ложится в постель на сорок дней после рождения ребенка, и в течение всего этого времени его кормят, как больного»⁹.

В Китае, у народа мяо, куваду первым из европейцев отметил Марко Поло. «Когда жена родит, вымоют ребенка, укутают в белье, муж тут же ложится в постель и ребенок с ним; лежит он сорок дней и встает только по нужде. Друзья и родные навещают его, остаются с ним, веселятся и утешают его. Делается это потому, что жена, говорят они, истомилась с ребенком во чреве, поэтому несправедливо ей мучиться еще сорок дней; и жена, как только родит, встает и начинает хозяйничать, да мужу в постели прислуживать»¹⁰.

На китайской гравюре XVIII в. из серии, посвященной обычаям и нравам мяо, изображен лежащий в постели и нянчащий ребенка муж, явно гордый своей ролью, и жена, почтительно несущая ему питье на подносе.

Иные проявления кувады наблюдались в прошлом на Камчатке у ительменов. В период беременности жены мужу запрещалось выполнять тяжелую или опасную работу из боязни, что это может повредить супруге и будущему ребенку.

Сподвижник Беринга Стеллер был свидетелем такого эпизода: «Тяжелые и болезненные роды длились три дня. Шаманы объявили, что виноват в этом муж женщины. Он в момент рождения ребенка мастерил сани и, по необходимости, придавал доскам изогнутую форму, сгибая их на своем колене»¹¹.

Обычай кувады у мяо (с китайской гравюры конца XVIII в.). Музей Виктории и Альберта, Лондон

⁷ S. Mateer, The Pariah caste in Travancore, «Journal of the Royal Asiatic Society», vol. XVI, London, 1884, p. 188.

⁸ T. C. Hodson, The Naga tribes of Manipur, London, 1911, p. 177.

⁹ L. A. Waddell, The tribes of the Brahamaputra valley, «Journal of the Asiatic Society of Bengal», vol. LXIX, Calcutta, 1901, p. 3.

¹⁰ Марко Поло, Путешествие, пер. И. П. Минаева, Л., 1940, стр. 137.

¹¹ G. W. Steller, Beschreibung an. der Lande Kamtschatka, Frankfurt, 1774. S. 351.

А на Никобарских островах в Индийском океане мужья после рождения ребенка в течение двух недель не должны были работать или готовить пищу. Иногда они считали целесообразным принять большие меры предосторожности и за несколько месяцев до родов вообще переставали работать или выполняли самую легкую работу. Считалось, что если отцы нарушат запрет, их дети будут подвержены припадкам. В случае болезни или смерти ребенка, вся вина будет возложена на отца.

Когда жена отравлялась рожать в специальную хижину, муж шел туда вместе с ней и находился там не менее месяца.

В прошлом веке один никобарец провел в молодости несколько лет в Бирме и стал смотреть на вещи более широко. Вынужденное безделье во время беременности супруги стало ему в тягость. От нечего делать он стал плести рыболовную сеть. Тесть и теща были возмущены бессердечием и жестокостью, с которыми он подвергал опасности жизнь жены и будущего ребенка.

На маленьких островках вдоль побережья Суматры отец также не должен делать ничего, что могло бы повредить будущему потомству, а это значит — воздерживаться от работы, не есть определенных видов пищи, соблюдать покой и т. д.

Проявления кувады отмечены в Малайе, у даяков Калимантана, на Филиппинских островах, на Новой Гвинее. Например, у некоторых племен в восточной части Новой Гвинеи оба супруга на всем протяжении беременности жены воздерживаются от одних и тех же блюд из-за боязни подвергнуть опасности жизнь будущего ребенка.

Широко была распространена кувада и в Меланезии. На Сан-Кристовале в течение двух-трех недель после рождения ребенка отец остерегался солнца, дождя и прохладного ветерка, дующего с речных долин. Он уклонялся также от всякой работы, особенно от переноски тяжестей. На Соломоновых островах не только будущая мать, но и ее муж не употребляли определенных сортов пищи и избегали тяжелой работы, полагая, что это повредит их ребенку. На островах Банкс после рождения ребенка им разрешалось есть лишь то, что можно давать младенцу. Кроме того, в течение долгого времени отцу запрещено было работать. На Новой Ирландии, когда женщина рожала, ее муж отправлялся в мужской дом. Там он ложился и изображал родовые муки, корчась от воображаемой боли. Это продолжалось вплоть до рождения ребенка.

Обычно считается, что в Австралии кувады не было. И все же у племени кайтиш, жившего в центральной части материка, имелся обычай, весьма сходный с отдельными проявлениями кувады. Когда у женщины начинались роды, отец ребенка уходил на три дня из стойбища. Причем он должен был снять пояс и плетеные браслеты. Считалось, что если на его теле в это время не будет никаких туго стянутых повязок, то тем самым он поможет жене.

В Африке кувада встречается сравнительно редко. Но у багезу муж в период беременности жены не должен взбираться на деревья, потому что, если он упадет, у жены может приключиться выкидыш. У динка, живущих в Экваториальной Африке, муж некоторое время до и после рождения ребенка должен находиться вблизи хижины и не есть определенные сорта мяса, чтобы не причинить ребенку вреда. Первые несколько дней после родов отец не покидает хижины, няньча младенца.

А в Катанге еще в XVIII в., по сообщениям миссионеров, отец ребенка с его рождением ложился на несколько дней в постель, возлагая на плечи жены заботы о своей персоне. У баконго муж во время родов распускал все узлы на одежде, ложился и за ним ухаживали, как за роженицей.

Один из путешественников по Нигерии был свидетелем того, как в деревню принесли мертвую гориллу. Немедленно все беременные женщины с мужьями поспешили уйти. Они уверяли, что стоит кому-нибудь из них взглянуть на животное, и им суждено родить обезьяну.

Даже в Европе прослеживаются весьма отчетливые пережитки кувады, а у басков даже в XIX в. с рождением ребенка отец незамедлительно ложился в постель и забирал к себе новорожденного.

В Сардинии еще сравнительно недавно муж обязан был есть те же блюда, что и беременная супруга, из одной тарелки с нею. Во Франции, в Беарни, рядом с рожаящей женщиной клали одежду мужа, чтобы ему передавалась вся боль деторождения. Нечто подобное наблюдалось и на маленьких немецких островках в Северном море. На крайнем севере Европы, в Лапландии, муж не должен был пользоваться острыми орудиями или вязать узлы, когда жена беременна.

Особенно много пережитков кувады отмечали в Англии. Уже в начале нашего века в Оксфордшире и Чeshire верили в то, что болезненные последствия беременности могут передаваться мужу, и чем больше он страдает от боли, тем легче будут роды. Для этого надо только совершить специальный колдовской обряд.

В конце прошлого века в одном из округов Йоркшира, когда на свет появлялся незаконнорожденный ребенок, делом чести для девушки было скрыть имя его отца. Однако считалось, что отец ребенка в момент рождения будет испытывать сильные боли и не сможет заниматься обычными делами. Поэтому его легко могла узнать мать девушки: ей только надо было походить по домам и посмотреть, кто из мужчин находится в постели.

* * *

Пожалуй, ни один обычай не привлекал к себе внимания стольких исследователей, как кувада. Наиболее осторожные просто относили ее к числу нерешенных проблем. В начале века немецкий ученый Плосс резюмировал отношение ученых своего времени к подлинному смыслу кувады латинским словом *ignotum* — «мы не знаем». Лет через двадцать англичанин Даусон, посвятивший куваде специальную монографию, в которой собрал почти все известные о ней сведения, вынужден был повторить это слово как свой конечный вывод. А в 40-х годах советский ученый М. О. Косвен назвал куваду «загадочной».

Предлагались самые разнообразные объяснения обычая, подчас просто фантастические.

Миссионер Жозеф Лафито, например, увидел в куваде смутные воспоминания о первородном грехе, якобы сохранившиеся у отдельных народов, и тем самым подтверждение библейского учения.

В 1889 г. англичанин Томлинсон выдвинул «биологическую» гипотезу, как ни странно сначала поддержанную некоторыми этнографами. У первых млекопитающих, утверждал Томлинсон, оба пола имели молочные железы и совместно вскармливали детенышей. Вот и люди сохранили смутные воспоминания об этих временах в виде обычая кувады. С исторической точки зрения эта гипотеза полностью несостоятельна. Человечество не сохранило никаких воспоминаний о своих «обезьяньих» временах. Что уж тут говорить о том, что якобы было миллионы лет назад.

Солидный профессор прошлого века Макс Мюллер объяснял куваду тем, что в эпоху матриархата женщины, испытывая болезненные ощущения от беременности, всю вину возлагали на мужей. Почему? Да потому, что мужчины были несчастными, забытыми существами, всегда во

всем виноватыми. Вот они и предпочитали притвориться, что тоже страдают. В таком объяснении кувады, помимо превратных представлений об эпохе матриархата, мы встречаем простое невнимание к фактам. Как быть с теми проявлениями ее, когда женщины сразу же после родов начинали ухаживать за «больными» мужьями?

Существовало и противоположное мнение: куваду изобрели подчинившие себе женщин мужчины. Им просто хотелось полодырничать, вот они и придумали благовидный предлог. Трудно тогда, правда, объяснить сорокадневную голодовку у карибов.

Как тут не вспомнить Марко Поло, который изложил компромиссное объяснение кувады: она возникла из стремления к равному распределению обязанностей между супругами.

Согласно еще одному объяснению, женщины просто хотели, чтобы их мужья были рядом во время родов. К тому же они боялись, что представленные сами себе мужчины примутся за охоту, принесут слишком много добычи и женщины устанут от ее обработки. Поэтому вынужденные оставаться дома, мужчины слонялись без дела и в конце концов предпочли лечь в постель. Все это можно опровергнуть буквально одной фразой. Первобытные люди очень часто страдали от недоедания, но отнюдь не от избытка пищи.

Список предложенных объяснений кувады на этом не кончается, но его можно прервать без всякого ущерба. Все они были предложены еще в XIX в. и большой роли в науке не сыграли. Но в том же XIX в. были выдвинуты еще две гипотезы, которых с различными модификациями придерживаются все современные исследователи.

Первая, впервые предложенная в 1861 г. Бахофеном¹², была в дальнейшем поддержана и развита Тэйлором¹³ и многими другими учеными. Этого объяснения кувады придерживается в настоящее время большинство советских этнографов. Суть его сводится к следующему: зарождение кувады относится к переходному времени от матриархата к патриархату, когда отец стал предъявлять свои права на детей, до этого всецело принадлежавших матери и ее роду. Но старая традиция была очень живучей, и для того чтобы ее преодолеть, отцам пришлось совершать обряды, делающие их как бы второй матерью по отношению к ребенку. Поэтому не случайно у некоторых народов кувада является установленной обычаям формой, посредством которой отец признает ребенка своим.

Тэйлор дополнил объяснение Бахофена статистическими подсчетами, по которым выходило, что кувада встречается лишь у народов, уже перешедших к отцовскому роду. Тем самым оно получало дальнейшее подкрепление.

Гипотеза Бахофена — Тэйлора объясняет значительное число фактов, связанных с кувадой. Но у нее есть и уязвимые стороны. Как теперь выясняется, кувада прослеживается и у некоторых народов с материнским счетом родства, например у араваков, макушей и меланезийцев.

Кроме того, многие ее проявления трудно связать с подчеркиванием прав отца на ребенка. Когда у южноамериканских бороро отец принимает лекарство, если болен сын, а у кораванов (профессиональной касты плетельщиков корзин в Мадрасе) муж принимает лекарство вместо беременной супруги, когда в Африке муж не смеет взглянуть на гориллу из боязни, что жена родит обезьяну, а у ительменов и никобар-

¹² J. J. Bachofen, *Das Mutterrecht*, Stuttgart, 1861, S. 17, 225.

¹³ E. B. Tylor, *On a method of investigation of the development of institutions applied to laws of marriage and descent*, «*Journal of the Anthropological Institute*», vol. XXIII, London, 1889.

цев ему запрещено выполнять тяжелую работу, пока жена не разрешится от бремени — все это очень трудно связать с борьбой отцовского и материнского права.

Но зато это хорошо согласуется с магическими воззрениями, столь характерными для первобытного человечества и для народов, отставших в своем развитии. Согласно этим воззрениям, человек может сверхъестественным путем воздействовать на тот или иной материальный предмет или явление, чтобы добиться выгодного результата.

Предрассудки, связанные с магией, очень живучи. Не составляет исключения и магия родовспоможения. До сих пор во многих странах в некоторых слоях населения, чтобы облегчить и ускорить трудные роды, в доме отпирают и открывают все ящики, сундуки, замки, развязывают все узлы, иногда просят священника отворить царские врата в церкви. Все это связано с имитативной магией, с представлениями о том, что подобное вызывает подобное.

Такие наблюдения привели к заключению, что кувада отражает представления о магической связи, якобы существующей между мужем и женой и между отцом и ребенком. Таково второе распространенное объяснение кувады. Любопытно, что впервые оно было предложено все тем же Тэйлором¹⁴. Хотя впоследствии он от него отказался в пользу гипотезы Бахофена, это объяснение было полностью принято и развито Фрэзером¹⁵ и до сих пор преобладает среди зарубежных исследователей.

Фрэзер отрицал всякую связь между кувадой и переходом от матриархата к патриархату и выводил все ее проявления исключительно из магии. В самой куваде он увидел два совершенно различных обычая, связанных с деторождением, которые искусственно объединяются под одним термином. Первый касается диеты и правил поведения отца в период беременности его супруги и покоится на представлениях о связи, существующей между отцом и его еще не родившимся ребенком. Второй основан на вере в то, что родовые боли могут быть перенесены на мужа или любое другое лицо. При этом Фрэзер приводил в пример дажков Саравака, у которых знахари подражают роженице с целью помочь ей, и жителей Калимантана, которые верят, что родовые боли можно перенести на деревянную фигурку, изображающую мужчину.

Нетрудно заметить всю искусственность такого разделения. В реальной практике кувады оба обычая сплошь и рядом встречаются вместе. Муж соблюдает строгую диету и воздерживается от работы как до рождения ребенка, так и некоторое время после него и ложится в постель, когда жене приходит время рожать.

Но объяснять куваду в целом исключительно магией — значит игнорировать слишком большое количество фактов. Фрэзер фактически так и сделал, когда писал, что «предполагаемые претензии на деторождение со стороны отца выглядят как ошибка наблюдателей». На самом деле таких наблюдений слишком много, чтобы от них можно было отмахнуться.

Но и многое другое с позиций магической теории не объяснить, например, голодание и пытки, которым подвергаются отцы у карибов и в меньшей степени у некоторых других народов. Ведь согласно принципам симпатической магии, они должны передаваться ребенку. Результат — прямо обратный тому, который выводится из априорных рассуждений.

¹⁴ E. B. Tylor, *Researches into the early history of mankind*, p. 287—297.

¹⁵ J. G. Frazer, *Totemism and exogamy*, London, 1910, vol. IV, p. 244—255.

Итак, создается затруднительное положение. Ни одна из двух наиболее широко распространенных гипотез не может объяснить всех фактов, связанных с кувадой. Вместе с тем каждая из них удовлетворительно объясняет некоторые стороны обычая. Может быть, истина находится где-то посередине, может быть, выход следует искать в сочетании сильных сторон обеих гипотез?

Даже те исследователи, которые всецело связывают куваду с правами отцовства, допускают в ней наличие определенных элементов магии. Так, С. А. Токарев недавно писал: «В отдельных случаях обычай типа кувады могут действительно включать в себя элементы магии: так обстоит дело, например, у южноамериканских бороро, где отец принимает лекарства, если болен его ребенок. Но в целом обычай кувады является вовсе не магическим: ритуал кувады есть лишь символический акт, закрепляющий права отца на ребенка, и с ним не связывается никаких представлений о сверхъестественном действии этого акта на ребенка»¹⁶.

Однако элементы магии присущи почти всем связанным с кувадой обычаям. Поэтому на практике зачастую бывает очень трудно отделить те ее стороны, которые закрепляют права отцовства, от тех, которые сопряжены с магией. Слишком тесно они оказываются переплетенными друг с другом. Поэтому куваду нельзя рассматривать узко, лишь как обычай, связанный с имитацией деторождения.

Например, среди некоторых племен Южной Индии «как только женщина почувствует родовые схватки, она сообщает об этом мужу, который снимает с нее часть одежды и надевает ее на себя. У себя на лбу он рисует тот знак, который обычно имеют женщины, затем удаляется в темную комнату, освещаемую лишь одной тусклой лампой, ложится в постель и укрывается одеялом. Когда рождается ребенок, его обмывают и кладут в кроватку возле отца. Укрепляющие блюда дают не матери, а отцу... Ему не позволяют вставать и по первому требованию приносят все необходимое»¹⁷. В этом случае не так-то просто отделить магию родовспоможения от стремления отца предстать в качестве второй матери.

Наконец, остается без объяснения, почему символический акт, закрепляющий права отцовства, принял сходные в разных частях света формы, которые присущи куваде. Случайность здесь надо исключить — обычай был распространен слишком широко.

Думается, что магия присуща куваде не в качестве позднего явления, дополнительно наслоившегося на уже сформировавшийся обычай, а изначально.

Магия зародилась в глубочайшей древности, уже в палеолите, а тайна деторождения прояснилась для человека далеко не сразу. Например, австралийцы и даже более развитые жители Тробрианских островов в Меланезии, так же как и авуна в Западной Африке, не понимают подлинной роли и функции мужчин в зачатии.

Но даже когда причастие отца к рождению ребенка было осознано, его дальнейшая роль представлялась неясной. И в полном соответствии с законами магии стало казаться, что поведение отца, так же как и поведение матери, непосредственным образом влияет на судьбу ребенка, только что родившегося или еще находящегося во чреве. То, что было недопустимым для матери — тяжелая работа, некоторые виды пищи, простуда и болезнь, стало недопустимым и для отца. Не случайно же у

¹⁶ С. Н. Токарев, Сущность и происхождение магии, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. LI, М., 1959, стр. 16.

¹⁷ J. C a i n, Indian Antiquary, vol. III, Bombay, 1874, p. 151.

папуасов Новой Гвинеи, меланезийцев, некоторых африканских народов и других, подобные запреты распространяются на обоих супругов.

Заодно у некоторых народов стало недопустимым и то, что на самом деле было безвредным или нейтральным и для отца и для матери, но, согласно магическим воззрениям, могло привести к дурным результатам — употребление острых орудий и т. п.

Когда могли появиться такие запреты — сказать трудно. Скорее всего, их возникновение относится ко времени становления парной семьи, когда отец ребенка, фактический или, по крайней мере, признаваемый таковым, был уже известен¹⁸.

Но это еще не все. Отношения супругов, особенно в такой критический момент, как роды, тоже стали осмысливаться сквозь призму магии. Отсюда развитие магии родовспоможения, стремящейся облегчить роды или перенести боли на другое лицо, чаще всего на мужа. И вот австралиец из племени кайтиш снимает пояс и тугие повязки, а меланезиец с Новой Ирландии отправляется в мужской дом, где имитирует роды с целью помочь жене, так же, как это делают знахари у даяков Саравака.

Обычаи Новой Ирландии представляют особый интерес. Здесь мы, с одной стороны, встречаем мужа, притворяющегося, что он испытывает родовые боли, а с другой — не видим обычно следующего за этим подчеркнутого внимания к отцу ребенка, поздравлений, ухаживаний и т. д. Все это становится понятным, если мы вспомним, что на Новой Ирландии, как и в большей части Меланезии, существовал материнский род, а раз так, то у отца не было особых прав на ребенка.

Но зато эти обычаи наглядно показывают, как могли возникнуть те обычаи кувады, которые подчеркивают отцовские права на ребенка. Скорее всего, они связаны с переосмысливанием некоторых обрядов магии родовспоможения.

На первый план выступает желание мужа подчеркнуть свой приоритет и роль своей персоны в рождении ребенка, стремление оттеснить жену на задний план. И общественное мнение, олицетворенное в родных и друзьях, которые поздравляют и ухаживают за отцом, поддерживает его в этом стремлении.

Но старые представления о деторождении, пропитанные магией, по-прежнему существуют и по-прежнему соблюдаются накладываемые ими запреты. Именно потому обычаи кувады и принимают такую сложную, запутанную форму, что они отражают наслоения различных эпох и различных сторон общественного сознания.

Разумеется, все эти вопросы нуждаются в дальнейшем углубленном исследовании. Мы стремились лишь указать возможное направление поисков. Все же кажется очень вероятным, что именно в подобном сочетании двух гипотез лежит разгадка кувады¹⁹.

¹⁸ Ко времени перехода от группового брака к парному относил куваду В. К. Никольский, рассматривавший обычай как «последствие укрепления единобрачия» — см. В. К. Никольский, Детство человечества, М., 1950, стр. 95, 96; его же, Очерк первобытной культуры, М.—Пг., 1924, стр. 189.

¹⁹ Помимо указанной выше литературы, см. о куваде: L. H. Roth, On the significance of Couvade, «Journal of the Anthropological Institute», vol. XXII, London, 1893; St. Ciszewski, Kuwada, Studium etnologiczne, «Rozprawy Akademji Umiejtnosci, Wydział historyczno-filozoficzny», seria II, t. 23 (48), Krakow, 1906; H. Kunike, Die Couvade oder das sogenannte Männerkindbelt, Haale, 1912; W. R. Dawson, The custom of couvade, Manchester, 1929.